ДИАСПОРА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ

УДК 314.12

А.А. АВДАШКИН

Распад мировой колониальной системы и СССР, вызвавшие значительные миграционные потоки, глобализация и как следствие появление рассеянных этнических сообществ, склонных к коллективной форме интеграции в принимающие общества, привели к тому, что выросла мотивация осмысления объекта, который в настоящее время именуется «диаспора», что означает дисперсия от греческого глагола «diaspeirein» – разбрасывать и от «dia»-и «speirein» – сеять. Исторически термин «диаспора» упоминался применительно к изгнанию и расселению еврейского народа, а также к продолжившемуся его рассеиванию повсюду за пределами Палестины, а позднее Израиля. Древнееврейский термин, являющийся синонимом современного термина «диаспора» – «галут» – в дословном переводе означает «изгнание» [14, p. 73]. Оксфордский on-line словарь дает следующее определение понятия «диаспора»: «Диаспора – существительное. Рассеивание евреев за пределами Израиля, евреи, живущие за пределами Израиля, рассеивание или распространение какого-либо народа из своей первоначальной родины (имеется в виду процесс), люди, которые были рассеяны или распространились из своей первоначальной родины (имеется в виду следствие вышеозначенного процесса – группа, сообщество)» [6].

Понимание феномена диаспоры, представленное в концепциях западных авторов, развивалось в ходе осмысления отношений принимающего общества и различных консолидированных этнических сообществ, количество которых стало стремительно расти во второй половине XX века. Р. Брубейкер иллюстрирует развитие интереса к проблеме диаспор тематикой англоязычных диссертаций: понятие «диаспора» было одним из ключевых слов в диссертациях 70-х гг. лишь несколько раз, около тридцати в 80-х гг. и порядка 130 раз к 2001 г. [15, p. 1].

В отечественную науку понятие «диаспора» попало в 90-е гг. XX века в ответ на последствия распада СССР, возникновение русской диаспоры, значительную эмиграцию из ближнего зарубежья, стихийное открытие обсуждения национальных и этнических проблем, снятие с них табу. В.И. Дятлов полагает, что в постсоветской России «на термин сложился реальный внутренний спрос» [2, с. 128].

На настоящий момент не сложились научные школы, разрабатывающие теории и методы исследования проблемы диаспор, они не институционализированы, даже несмотря на то, что исследованиям диаспор посвящены специальные научные журналы: канадско-американский журнал «Diaspora» (издается с 1991 г.) и журнал «Диаспоры» (издается с 1999 г.). Однако сложность для исследователей как в России, так и за рубежом, прежде всего заключается в неоформленности, нагруженности и многозначности понятия, содержание которого исчезает, становясь удобным ярлыком. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: проблеме диаспор посвящено значительное число статей, монографий и диссертаций, но само понятие «диаспора» остается без четкого и признанного научным сообществом содержания.

В рамках классических концепций развитие понятия диаспоры опиралось на применение идеального типа – модель еврейской диаспоры, которая служила классическим случаем, эталоном для сравнительных исследований. Таким образом, понятие диаспоры применялось исключительно для описания насильственных или вынужденных случаев миграций этнических групп. В 60–90-е гг. XX века в исследованиях доминировала концепция классической или исторической (еврейской) диаспоры нередко в данную категорию вносились армянская и греческая диаспоры для классификации аналогичных рассеянных этнических сообществ и случаев выявления признаков, соответствующих «классической диаспоре» и, как следствие, признаков диаспоральности. Нередко в данную категорию также вносились армянская и греческая диаспоры. Следовательно, классические теории и методы предполагали выявление степени соответствия исследуемой группы первым или классическим случаям существования в отрыве от исторической родины.

Кроме еврейской и армянской диаспор, между которыми рядом исследователей обнаружено много сходства, упоминается еще ряд этнических групп, которые, как евреи или армяне, претендуют на то, чтобы называться «классическими диаспорами». Например, по мнению Г. Шеффера и Х. Тололяна, к таким диаспорам можно отнести греческое рассеяние; У. Сафран говорит о цыганской, палестинской и кубинской диаспорах. М. Дабаг

и К. Платт относят к диаспоре и китайское рассеяние; для Р. Марienштраса китайцы и цыгане представляют типичные диаспоры, а А. Ашкенази к китайцам добавляет в данном контексте и индийцев. Наконец, Э. Скиннер вообще не упоминает армян и сравнивает еврейскую, африканскую, индийскую, китайскую и ирландскую диаспоры [8, с. 9].

Таким образом, для классических концепций характерно использование еврейской диаспоры в качестве своеобразной «точки отсчета», сравнительного анализа как методологического основания, для определения и классификации случаев диаспоральности. Важно, что в 60–90-е гг. в качестве причины становления диаспоры исследователями часто выделялись аналоги «галута»: прямое принуждение, необходимость выживания, ставшие основным фактором миграции, рассеивания группы. В «Словаре расы, этничности и культуры» причины возникновения диаспоры указываются преимущественно такого плана: «Диаспоры могут быть созданными в результате таких явлений, как завоевание, колонизация, рабство, система кабального труда, изгнание, дискриминация и гонения, политические конфликты или войны, а также экономически обусловленных миграций» [14, p. 73]. В. Сафран, один из наиболее авторитетных исследователей проблемы, выделял следующие критерии диаспоры: рассеивание из первоначального исторического центра в различные регионы; принимающие общества, коллективная память о стране исхода, ее мифологизация; ощущение, восприятие себя в качестве чужаков в принимающем обществе; стремление к возвращению на родину; помощь, сохранение связей со страной исхода; высокий уровень групповой сплоченности, основанный на высокой степени идентификации со страной исхода [8, с. 10–11]. Приведенный перечень признаков диаспоры и в настоящий момент является предметом полемики. Исследователи настаивают, что каждая диаспора уникальна, обладает различным сочетанием как приведенных, классических, так и рядом специфических и даже индивидуальных признаков. Очевидно, что результат миграционных процессов современности, становление и консолидация новых рассеянных этнических сообществ далеко не всегда соответствует идеальному типу, обладая новыми качественными признаками, что привело к условному разделению на «классические» (или исторические) и «новые диаспоры».

Таким образом, стала формироваться постклассическая концепция, основанная на понимании диаспоры как формы коллективной интеграции группы в структуру принимающего общества. Причем стало очевидно, что интеграция может иметь формальный и неформальный тип, временный или долговременный характер в зависимости от целей и мотивов рядовых членов и лидеров группы. Ученое сообщество фактически было вынуждено признать ограниченность классических концепций в оценке новых рассеянных групп, имевших иные качественные признаки. Постклассическое понимание феномена диаспоры разрабатывалось главным образом со второй половины 90-х гг. XX в. в силу того, что реалии разрастания «ethnic communities» в Европе и США были значительно сложнее «классических случаев», включая проблемы развития мультикультурализма, интенсивной миграции и разрастания этнических кварталов, различных институтов диаспор, европейской интеграции.

В дальнейшем, на фоне распада СССР и Югославии, развитие понятия включает не только «перемещение группы через границы, но и перемещение границ через группы» [15, p. 3]. Р. Брубейкер на фоне крупных социально-политических катаклизмов середины 90-х гг. вводит в научный оборот новое понятие: «диаспора катаклизма». Диаспора катаклизма появляется в результате мгновенного перемещения политических границ, а не самой группы в пространстве. Ярким тому примером может служить русская диаспора на постсоветском пространстве. Группы эмигрантов характеризовались как «трансграничные националисты» и обозначались в качестве диаспор Б. Андерсоном, поскольку были весьма тесно вовлечены в политику страны исхода, что в некоторых случаях переходило в поддержку терроризма и крайних националистических движений. Дальнейшее развитие понятия позволило включить в него многочисленные и растущие группы трудовых эмигрантов [15, p. 2].

Таким образом, в конце 90-х гг. развитие понятия в западной литературе привело к ослаблению и даже определенному отрыву от исторических аналогий и отправных точек в виде «классических диаспор». Как отметил Г. Шеффер, описанные концептуальные сдвиги были вызваны не только тем, что на Западе стали по-иному относиться к феномену культурного, социального и политического разнообразия, но и реальными изменениями в жизни диаспорных сообществ, подлежащих количественной и качественной оценке исследователей. Речь идет о последствиях недавних значительных волн легальной и нелегальной иммиграции в развитые части мира (в первую очередь в Европейский Союз) [12, с. 166]. Г. Шеффер рассматривал диаспоры в качестве трансграничных сетей коммуникации – это разнообразные контакты и связи,

устанавливаемые социальными группами, политическими структурами и экономическими институтами поверх государственных границ. Р. Хеттлаге, У. Ханнерц, Т. Фаист, Р. Коэн, Р. Кохейн, Дж. Най в качестве одной из наиболее важных функциональных характеристик этнических диаспор отмечают их стремление к формированию и укреплению транснациональных сетей коммуникаций. Данные сети не замкнуты на внутреннюю или внешнюю политику: необходимо отметить, что создаваемые диаспорами трансграничные сети служат и для удовлетворения их культурных, языковых и образовательных потребностей [12, с. 175].

Таким образом, динамика диаспоры заключается в развитии от неформальной общины до трансграничного института, института коллективной адаптации, поддерживающего системные связи со страной исхода, участвующего в помощи соотечественникам, взаимодействующего с институтами принимающего общества.

Несмотря на то, что специалисты не пришли к единому содержанию понятия «диаспора» и полемика еще далека от своего завершения, сформулирован общий набор признаков, который позволяет выделять диаспору из всего многообразия социальных объектов. В «Словаре расы, этничности и культуры» в статье «Diaspora» даются следующие признаки: миграция из «homeland» (иногда в ходе травматических обстоятельств); миграция из «homeland», по причине трудоустройства, торговли, колонизации; сохранение коллективной памяти о «homeland»; идеализация предшествующих поколений, зачастую придание героического пафоса; развитие движения «возвращенцев»; значительная степень выраженности этнической идентичности и самобытности; сложные взаимоотношения с принимающим обществом; повышенное чувство солидарности с представителями своей группы, которые образовали аналогичные сообщества в других странах [14, p. 74]. Также можно добавить стремление к ассимиляции, сохраняя групповую сплоченность, идентичность, институты для их поддержания и взаимодействия с принимающим обществом.

В общем и целом в западной литературе понятие «диаспора» трактуется как «сегмент населения, живущий за пределами родины». Это примерно совпадает и с доминирующим в отечественной историографии подходом [10, с. 37]. Как отмечает В.И. Дятлов, «широко распространено мнение, что диаспоры – это некий отделившийся кусок этнического материка, его продолжение, несущее в себе все его основные характеристики» [1, с. 13]. Однако в России это понятие получило значительное распространение и применялось практически во всех случаях, касавшихся миграций и так называемых не титульных этнических групп. На рубеже XX–XXI вв. под влиянием политической и журналистской моды, позволяющей пользоваться понятием без адекватного понимания его содержания, а то и вовсе в манипулятивных целях, «меньшинства» превращаются в «диаспоры».

Ю.А. Поляков приводит два толкования данного понятия: «диаспора – этническая общность, находящаяся в иноэтнической среде, и второе – население той или иной страны, принадлежащие этнически и культурно к другому государству» [9, с. 308]. С.В. Лурье считает, что диаспора – это «широкое понятие, включающее представителей другого народа, проживающего в чужом социокультурном окружении». В.А. Колосов определяет диаспору как «значительную часть народа (этнической общности), живущую вне страны ее происхождения и образующую давно сложившуюся, высокоорганизованную, сплоченную, устойчивую, хорошо укоренившуюся и ставшую необходимой для принимающей страны группу». И.В. Залитайло определяет диаспору как «устойчивую форму общности, образовавшуюся в результате миграций, проживающую локально или дисперсно вне исторической родины и имеющую способность к самоорганизации, представители которой объединены такими признаками, как групповое самосознание, память об историческом прошлом предков, культура народа» [3, с. 105].

А.Ю. Милитарев вводит категорию особого «диаспорального сознания» группы: общность происхождения, предыстории, верований, «исторической судьбы» [4, с. 25]. Таким образом, этническая общность, живущая в ином социальном и культурном окружении, должна осознавать себя диаспорой, понимать свою «чужеродность». В.Н. Шнирельман рассматривает более радикальный мировоззренческий вариант: «диаспоральный синдром», характерный для расселений, которые происходили вынужденно под давлением каких-либо неблагоприятных обстоятельств (война, голод, насильственная депортация и пр.) [13, с. 6]. З.И. Левин определяет диаспору как «часть этноса за пределами страны его происхождения и считает, что диаспора существует, пока сохраняется ее этнокультурная специфика» (менталитет) [3, с. 105].

Приведенные попытки определить содержание понятия лишь акцентируют внимание на этнической группе, проживающей за пределами своего культурного, политического ареала, сохраняющей специфический менталитет, нередко приобретаемый в ходе ситуаций, которые аналогичны еврейскому

«галуту». Однако данные методы осмысления диаспор, к сожалению, не имеют значительной ценности для более глубокого понимания феномена рассеянных этнических групп. Таким образом, не проводится очень важная концептуальная грань между этнической группой и ее отдельной частью, сегментом, находящимся в отрыве от основного культурного, социального или даже политического центра, что фактически ставит, как минимум, знак равенства между этнической группой и диаспорой.

Российские авторы, занимавшиеся проблематикой диаспор, продуктивно развивали институциональное содержание понятия «диаспора», которое, по всей вероятности, имеет существенный потенциал для устранения теоретического и методологического хаоса в исследованиях столь актуального вопроса. В социологической модели Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой диаспора является устойчивой совокупностью людей единого этнического происхождения, живущей в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющей социальные институты для развития и функционирования [11, с. 37]. Фактически устойчивость группы к ассимиляции проявляется в институциональной форме, и диаспора, собственно, является институтом коллективной адаптации, помощи соотечественникам и сохранения идентичности в структуре принимающего общества. Аналогичных позиций придерживается Т.В. Полоскова, полагая, что для диаспоры характерно существование институтов и организаций, которые ставят своей целью сохранение диаспоры как этнокультурного феномена. Данные институты выполняют и политическую функцию, для них характерно наличие стратегии взаимоотношений со страной проживания, исторической родиной и международными организациями [7, с. 165].

М.А. Мыльников характеризует «классические диаспоры» как группы, наделенные следующими качественными характеристиками: иммиграционная основа возникновения; вынужденный характер трансграничного перемещения; наличие сетей коммуникаций, уникальная форма идентичности диаспоры; основанная на коллективной памяти и связующем мифе об этническом материке; имманентный политический конформизм. В то время как перспективы формирования и развития современных этнических диаспор обусловлены процессами конструирования и развития диаспоральной идентичности, институционализации транснациональных и трансграничных коммуникаций сети общин, которые проявляются в виде особых каналов трансляции культуры, людей, идей и капиталов в национальном, региональном и глобальном масштабах [5, с. 16-17]. Таким образом, современное понимание диаспоры российскими авторами существенно сближается с положениями Г. Шеффера относительно трансграничных сетей коммуникаций.

С точки зрения В.А. Тишкова диаспора является стилем жизненного поведения группы, а не жесткой демографической и даже этнокультурной реальностью, и тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции [10, с. 42]. Автор особо выделяет такой характерный признак диаспоры, как «наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о первичной родине (отечестве), которые включают географическую локализацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев». Таким образом, «диаспора – это культурно отличительная общность на основе представлений об общем происхождении и вытекающих отсюда коллективных связях, солидарности и демонстрируемого отношения к родине» [3, с. 310]. Важно, что данный стиль жизненного поведения нередко является результатом рационального выбора и преследует решение политических и социальных задач группы, ее лидеров, представителей этноэлиты. Как известно, индивид ассоциирует себя с достаточно большим количеством групп различного уровня, в том числе с сообществом граждан и своей диаспорой или этнической группой. Приоритеты зависят от ситуативных факторов: диаспора является институтом, коллективом, который становится актуальным для членства в случае потенциальной возможности получения больших выгод от него, чем от стандартного членства в сообществе граждан. Как подчеркивала Т.В. Полоскова, «диаспора всегда чего-то хочет» [7, с. 165]. Таким образом, конструируется новая идентичность в форме диаспоры, являясь весьма выгодной основой для извлечения определенных благ под видом диаспорального проекта. По ироничному замечанию В.А. Тишкова, «родина появляется, если это не Сомали, а сытая Германия» [10, с. 38].

Понятие «диаспора» на настоящий момент является предметом полемики, поскольку отсутствует определенность относительно его содержания, что, однако, не мешает его активно употреблять применительно к любым этническим группам, в том числе идентифицируемым в качестве «чужих». Очевидно, что не каждая этническая группа выступает в роли диаспоры, поскольку диаспора является определенной стадией развития сообщества, которая отличается следующими качественными показателями: высокий уровень групповой сплоченности; институциональные формы су-

ществования; склонность к компактному расселению в городах; социальная защита соотечественников; активная самоорганизация и самоуправление; полноправное вхождение в систему внутри- и межнациональных связей; постепенное формирование этноэлит. Следовательно, необходимо проводить четкую концептуальную грань между группой «иной» этнической принадлежности, имеющей неформальный уровень организации, и ее институциональной формой организации – диаспорой. Серьезной теоретической и методологической проблемой остается то, что понятие имеет множество содержаний, но все они в незначительной степени способствуют изучению предмета, акцентируя внимание на схожих признаках и создавая значительный хаос в понятийном аппарате исследователей, работающих в рамках различных дисциплин.

Данная проблематика в концепциях и воззрениях ученых претерпела определенные трансформации: от «классической диаспоры» и групп, соответствующих ей, сегмента этнической группы, коллективного носителя специфического менталитета «чужака», до институционально оформленной диаспоры, института трансграничных коммуникаций, взаимодействующего с властями и общественными организациями принимающего общества. Анализируя основные публикации по проблеме, необходимо сделать вывод, что диаспора является сплоченной этнической группой, проживающей в чуждой социальной и культурной среде, создавшей институциональную структуру для сохранения своей идентичности, удовлетворения культурных, социальных потребностей членов группы и лидеров, установления сети коммуникаций между собой, страной исхода и проживания и, как показывает современная практика, аналогичными диаспорами «своих» в других странах.

В настоящий момент развитие методологии исследований диаспор прошло две основные стадии: сравнительный анализ рассеянных групп с идеальными типами и изучение признаков, функций, особенностей, институтов этнических групп проживающих в чуждой социальной и культурной среде. Наиболее перспективны исследования диаспоры как института и социально-психологического, группового феномена, поскольку данные подходы позволяют рассматривать как особенности образования, структурирования и деятельности сообщества, так и его внутреннюю среду, мотивацию рядовых членов и лидеров, особенности восприятия, идентификации «своих» и «чужих». Именно междисциплинарные исследовательские подходы позволят вывести понимание проблемы на новый уровень научного анализа, избавившись от методологии «перечисления признаков» и многочисленных манипуляций понятием в этноцентричной риторике, разделяющей граждан по этническому признаку и создающей благоприятную психологическую среду для манипуляций коллективной идентичностью и межгрупповым восприятием.

1. Дятлов, В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях [Текст] / В.И. Дятлов // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–24.

2. Дятлов, В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России [Текст] / В.И. Дятлов // Диаспора. 2004. № 3. С. 126–139.

3. Еханурова, И.Р. Теоретические подходы к определению понятия «диаспора» [Текст] / И.Р. Еханурова // Вестник Бурятского государственного университета / И.И. Осинский [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. Вып. 6: Философия, социология, политология, культурология. С. 104–107.

4. Милитарев, А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) [Текст] / А. Милитарев // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–34.

5. Мыльников, М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций [Текст] / М.А. Мыльников: автореф. дисс. ...канд. полит. наук: 23.00.02. Астрахань, 2009. 25 с.

6. Оксфордский он-лайн словарь [Электронный ресурс] URL: http://oxforddictionaries.com/definition/diaspora?q=Diaspora (дата обращения: 29.02.2012).

7. Полоскова, Т.В. Диаспора: фактор конфликта или сближения [Текст] / Т.В. Полоскова // Дружба народов. 2000. № 3. С. 159–168.

8. Попков, В.Д. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина [Текст] / В.Д. Попков // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–23.

9. Тарле, Г.Я. Конференция в Москве: «Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение?» (20–21 апреля 1999) [Текст] / Г.Я. Тарле // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 307–314.

10. Тишков, В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. [Текст] / В.А. Тишков // Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. 232 с.

11. Тощенко, Ж.Т. Диаспора как объект социологического исследования [Текст] / Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.

12.Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике [Текст] / Г. Шеффер // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–185.

13. Шнирельман, В.Н. Мифы диаспоры [Текст] / В.Д. Шнирельман // Диаспоры. № 2–3. 1999. С. 6–34.

14. Bolaffi, G. Dictionary of Race, Ethnicity and Culture [Text] / G. Bolaffi. SAGE Publications London. Thousand Oaks. New Delhi First published. 2003. 355 p.

15. Brubaker, R. The «diaspora» diaspora [Text] / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol.28. No 1. P. 1–1.